

Жюль Верн

Путешествие к центру Земли

Жюль Верн

Путешествие к центру Земли

«Public Domain»

Верн Ж. Г.

Путешествие к центру Земли / Ж. Г. Верн — «Public Domain»,

Фантастический роман-приключение "Путешествие к центру Земли" - это поистине удивительная книга выдающегося французского фантаста Жюль Верна. Профессор минералогии Линденброкк решается на головокружительную авантюру: он вместе с преданной командой отправляется к самому центру Земли через глубины исландского вулкана Снайфельдс. Он верит, что недра нашей планеты скрывают неизведанный мир, полный опасностей и великих открытий. Это уникальное издание легендарного романа в дореволюционном переводе, выполненном талантливой писательницей Марко Вовчок, которая была лично знакома с Жюлем Верном.

© Верн Ж. Г.

© Public Domain

Содержание

I	5
II	7
III	9
IV	11
V	12
VI	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Жюль Верн

Путешествие к центру Земли

I

24 марта 1863, в воскресенье, дядюшка мой, профессор Лиденброк вернулся домой раньше узаконенного часа и стремительно ринулся в двери.

Обед был еще не готов, и это несвоевременное возвращение несказанно смутило нашу кухарку Марту.

– Ну! – подумал я, если дядюшка проголодался, так теперь подымет такой крик, что хоть святых вон понеси!

Дядюшка мой был пренетерпеливый человек.

Марта приотворила дверь в столовую и, тоскливо глядя на меня, с волнением вскрикнула:

– Г. Лиденброк уж воротился? Господи! Что это значит? Верны ли наши часы? Вы видели, г. Аксель, он уж пришел!

– Да. Марта, уж пришел, – отвечал я. – У вас обед еще не готов? Что ж, это резонно: ведь еще нет двух часов. На Сен-Мишельской колокольне только что пробило половина второго.

– Так отчего же это г. Лиденброк воротился так рано?

– Не знаю, но вероятно он это нам объяснит.

– Вот он! Ну, я поскорей убегу. Вы, г. Аксель, пожалуйста урезоньте его, если он подымет бурю... Ишь, как несется по лестнице! Я убегу... Вы урезоньте его, г. Аксель, пожалуйста...

И Марта поспешно скрылась в свое кухонное святилище.

Я остался один в столовой.

Надо признаться, что я вообще характера очень смиренного и «урезонивать» строптивного дядюшку не представляло для меня особого удовольствия. Я подумывал, нельзя ли мне как-нибудь проюркнуть в свою коморку, на чердак, но, пока я собирался, лестница закрипела под тяжелыми торопливыми шагами, – хозяин дома появился, быстро прошел через столовую, сбросил с себя широкополую шляпу, кинул трость в угол и, исчезая в своем рабочем кабинете, крикнул мне:

– Аксель! иди-ка сюда!

Я еще не успел и пошевелиться, как уж из кабинета грянуло:

– Аксель! Да что ж ты? где ты там запропастился?

Я поспешил в кабинет нетерпеливого дядюшки.

Профессор Отто Лиденброк был человек не строгий и не злой, но сумасброд и чудак каких мало.

Он страстно любил науку и отличался непомерным упрямством. Уж если он раз что-нибудь забирал себе в голову – так конец: никакие убеждения, никакие доводы не действовали.

Ему, по пословице, хоть кол на голове теши, а он все свое.

Любовь к науке была у него, как я сказал, самая страстная, но в то же время самая эгоистичная. Он читал свои лекции с увлечением и в то же время ни мало не заботился ни о развитии своих слушателей, ни о том – приносят ли эти лекции им пользу, – он читал, если смею так выразиться, для самоуслаждения.

В Германии до сей поры еще водятся «кладези науки», из которых чрезвычайно трудно зачерпывается каждая капля знания.

Как бы то ни было, дядюшка был настоящий ученый. Он был отличнейший минералог и геолог. Посмотрели бы вы на него, когда он являлся с своим молотком, стальной иглой, магнитною стрелкой, паяльной трубкой, сосудом с азотной кислотой! – По излому, виду, твердо-

сти, способности плавиться, по звуку, запаху, по вкусу какого-нибудь минерала, он живо классифицировал его между шестьюстами родов минералов, известных в настоящее время в науке.

Имя профессора Лиденброка было всем известно. Его посещали, проездом через Гамбург, и Гемфри Деви, и Гумбольдт, и капитаны Франклин и Сабин. Беккерель Эбельман, Брюстер, Дюма, Мильн Эдвардс, Сент-Клер Девиль часто совещались с ним по самым животрепещущим вопросам химии.

Представьте себе человека высокого, как шест, сухого, как копченая треска, здорового и крепкого, как железо. Ему было лет под пятьдесят, но белокурые волосы так его молодили, что никто бы не дал ему больше сорока. Огромные, круглые, голубые глаза живо бегали под громадными очками, а длинный, тонкий нос походил на отточенное лезвие; ходил он быстро, со сжатыми скулами (что служит, говорят, признаком буйного характера), а в ходьбе был неутомим; шаги у него были такие гигантские, что он мог всякого своего спутника привести в отчаяние.

Он жил в своем собственном маленьком домике на Королевской улице; окна выходили на один из тех кривых каналов, что пересекаются в самом старинном квартале Гамбурга, уцелевшем от страшного пожара 1842 года.

Домик был старенок, но еще держался хорошо. Громаднейший вяз, совершенно вросший в фасад зданьица, служил ему, я полагаю, главной подпоркой. Весной свежие почки этого вяза так и лезли в окна.

Кроме дядюшки в этом домике жили его крестница, семнадцатилетняя девушка, по имени Гретхен, пожилая, добрейшая кухарка Марта и я.

В качестве племянника и сироты я сделался помощником г. профессора во всех его опытах и скоро так пристрастился к геологии, что все почти время возился с минералами.

Вообще говоря, в профессорском ветхом домике жилось хорошо. Хозяин, правда, был взбалмошен, вспыльчив, криклив, но он по-своему любил меня.

Итак, я поспешил в кабинет на громогласный зов дядюшки.

II

Дядюшкин кабинет был настоящий музей. Все образцы минерального царства расположены были здесь с приличными надписями, в отличнейшем порядке.

Как близко мне были знакомы все эти представители минерального царства! сколько раз я чистил и обметал все эти графиты, лигниты, антрациты, различные породы каменного угля и торфа! как бережно сдувал я пыль с этих горных и древесных смол, с этих органических солей, с этих металлов, начиная, с железа и кончая золотом и со всех этих камней, которых бы наверно хватило на постройку нового домика!

Входя в кабинет, я, впрочем, думал не о вышеупомянутых чудесах, а о дядюшке.

Он уже сидел в своем старом широком кресле, с глубочайшим вниманием просматривал какую-то книгу и беспрестанно восклицал:

– Что за книга! что за книга!

Спешу прибавить, что дядюшка, в досужее время, был и библиоманом, но в его глазах только та книга имела значение и цену, которой или нигде нельзя было найти, или над которой можно было потерять зрение.

– Что ж, Аксель, или ты не видишь? – вскрикнул он при моем появлении. – Да ведь это неоцененное сокровище! Это... я нашел этот экземпляр в жидовской лавочке, у Гевелиуса!

– Великолепный экземпляр! – сказал я, стараясь тоже придти в восторг.

Но мне трудненько показалось восторгаться старой, пожелтевшей книжонкой, в кожаном вылинявшем переплете.

– Да ты погляди-ка! – восклицал дядюшка. – Погляди, каков переплет! Ведь ей семьсот лет!

– А как называется это сочинение? – спросил я.

– Это сочинение? – повторил дядюшка с каким-то диким визгом. – Это Heims-Kringla Снорра Турлетона, знаменитого исландского ученого и поэта двенадцатого века! Это хроника норвежских князей, которые царствовали в Исландии!

– Неужто? и это перевод на немецкий язык?

– Перевод! – презрительно повторил дядюшка. – Очень нужны мне переводы! Это оригинальное сочинение, на исландском языке! Слышишь, на великолепнейшем, богатейшем исландском языке!

– А! Ну, а шрифт хорош?

– Шрифт? Ах, несчастный молодой человек! Я разве говорил тебе о шрифте? Так ты воображаешь, что это напечатано? О, невежда! О, злополучный! Это манускрипт, рунический манускрипт!

– Рунический?

– Да, да, рунический! Ты знаешь ли, что такое руны, а? Рунами называются буквы, которые в древности употреблялись в Исландии! Они, эти руны, по преданию, изобретены самим Одином! Слышишь? Самим Одином! Слышишь? Их изобрел Один! Да смотри же! удивляйся же! благоговей же! наслаждайся же!

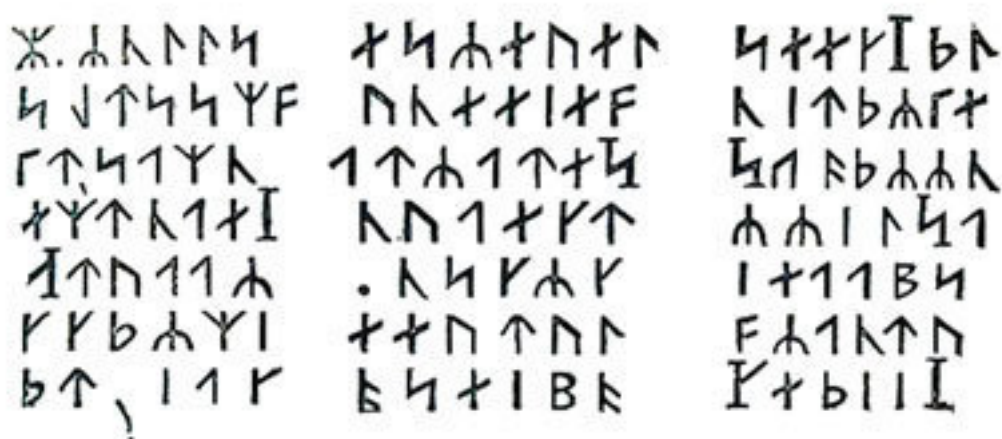
Я старался исполнить в угоду дядюшке все приказанное, как вдруг из рунического манускрипта выпал какой-то грязный документ.

Дядюшка неистово на него кинулся.

– Что это такое? Что это такое? – воскликнул он.

Он бережно разложил и расправил на столе небольшой лоскут пергамента, испещренный какими-то странными знаками.

Может статься, кто-нибудь полюбопытствует знать, что это были за знаки и потому я их здесь изображу.

Дядюшка поглядел несколько минут на письма, потом приподнял очки на лоб и проговорил:

– Это руны! Эти знаки... Да, ни дать ни взять, как в манускрипте Снорра Турлетона! Но... чтобы это значило?

Дядюшка волновался все более и более.

– Однако, это древний исландский язык... бормотал он: Древний исландский... Да!

Дядюшка еще известен был, как полиглот. Разумеется, он не говорил бегло на всех двух тысячах языках и четырех тысячах наречиях, которые употребляются на земном шаре, но многие из них знал хорошо.

Он не только с волнением, но уже с раздражением и гневом повторял несколько раз:

– Это руны! Это руны – руны – руны!..

В эту самую минуту часы пробили два.

Только что бой затих, Марта распахнула двери и доложила:

– Суп подан!

– Черт побери суп, и ту, которая его варила, и тех, кто будет его есть! – с бешенством крикнул дядюшка.

Марта ударилась бежать. Я тоже следом за нею выскочил из кабинета и, сам хорошенько не знаю как, очутился на своем обычном месте за обеденным столом.

Я ждал несколько минут. Дядюшка не являлся.

– Что ж еще ждать? или начать без него?

Задав себе раз двадцать этот трудный вопрос, я наконец решился и принялся за обед.

– Никогда еще этого не бывало! Никогда! – говорила Марта, покачивая головою.

– Чего не бывало, Марта?

– Как же это, обед подан, а г. Лиденброк думать про него забыл!

– Да, это что-то странно!

– Ну, вы попомните мое слово, г. Аксель: это не к добру! Уж что-нибудь да будет!

– Будет, пожалуй, изрядная мне баня, когда дядюшка вспомнит про обед и увидит, что обед съеден. Ну что ж! семь бед, один ответ: надо, по крайней мере, досыта напитать свою душу!

– Ох, не шутите, г. Аксель...

Вдруг раздался голос дядюшки. Я вскочил и в один прыжок очутился вновь в кабинете.

III

– Это руны! – говорил дядюшка: – это все непременно руны! Но тут есть тайна... Да, тайна! Я эту тайну открою... Да, или я ее открою, или...

Энергический жест закончил фразу.

– Садись к столу, Аксель, и пиши, что я буду диктовать! Смотри: у меня не ошибаться! Я буду тебе диктовать буквы латинской азбуки, соответствующие буквам исландским... Ну!

Он начал диктовать, а я усердно принялся писать, и скоро настроил три столбца следующих, непонятных мне, слов:

m. rnis	esceuel	oseypte
sgisunf	unleinf	niehrke
ki, samn	atrate S	Seodrn
emlnael	naaer	rriisa
Alvaar	nstere	ieakus
cedrmi	eeutil	frainu
ül, iac	oseabo.	Kedim

Дядюшка взял листок в руки и начал его разглядывать.

– Что ж бы это такое значило? – бормотал он: что ж бы это такое значило? Кажется, это то, что мы называем криптограммой, то есть формой письменной речи, в которой смысл в буквах, преднамеренно расположенных в рассыпную... А поставьте вы буквы как следует и фраза будет яснее божьего дня... Творец мой! может здесь объяснение какого-нибудь великого открытия!

Он стал сличать пергамент с манускриптом.

– Писаны не одной рукой, это ясно! Криптограмма, это произведение новейшее. Это можно заключить из того, что в ней первая буква – двойной М, которого не встретишь в книге Турлетона, потому что он прибавлен к исландской азбуке позднее – уже в четырнадцатом столетии. Верно, кто-нибудь из владельцев манускрипта написал эту криптограмму. Нет ли тут где-нибудь его имени? Посмотрим, посмотрим...

Дядюшка снял очки, вооружился сильной лупой и стал перелистывать манускрипт.

На второй же странице оказалось какое-то темное пятно. Дядюшка наставил на него лупу и вдруг вскрикнул:

– Имя!

– Имя? – повторил я.

– Да, да, имя! Руническими буквами написано, видишь?

– Что написано?

– Арн Сакнуссем!

– Кто это такой? – спросил я.

ᚠᚱᚱ ᚱᚱᚱᚱᚱᚱᚱᚱᚱ

– Кто такой? Ученый шестнадцатого века, знаменитый алхимик! Ты знаешь ли, что эти алхимики, Авиценна, Бекон, Лулли, Парацельс и Сакнуссем единственные ученые своего времени! Они сделали великие открытия... Под этой криптограммой Арн Сакнуссем, может, скрыл какое-нибудь тоже изумительное открытие... открытие первой важности... Иначе и быть не могло! Да, здесь непременно оно скрыто...

– Разумеется, дядюшка, разумеется. Но я только не понимаю, к чему скрывать такие вещи под криптограммой?

– К чему? А к чему Галилей скрывался со своим Сатурном? Да вот узнаем, узнаем: я не усну, я ничего в рот не возьму, пока не приберу ключа к этой задаче!

– О!

– И ты тоже, Аксель!

– Слава богу, что я догадался пообедать! – подумал я.

– Прежде всего, – продолжал дядюшка, – надо открыть язык шифр... Это, вероятно, не трудно. Сакнуссем был человек очень образованный для своего времени. Если он не писал на своем родном языке, то писал, значит, на самом употребительнейшем между учеными шестнадцатого века, то есть на латинском!

Затем полились целые потоки рассуждений, доводов и примеров.

Однако криптограмма все не открывала своего смысла!

– Это черт знает что! Это из рук вон! – восклицал дядюшка время от времени.

А я между тем задумался совсем о другом. Глаза мои нечаянно остановились на портрете Гретхен, который висел в кабинете.

Гретхен в то время гостила у одной своей родственницы в Альтоне и я очень по ней тосковал. Мы вместе выросли и крепко любили друг друга.

Мне многое вспомнилось: и как мы играли детьми, и как вместе обметали пыль с минералов, и как пообещали друг другу неизменную любовь и надежную преданность.

Гретхен была у нас красавица: глаза голубые и такие ясные, а белокурые волосы мягки и блестящи, как шелк. А главное, Гретхен была умница, любила учиться и много знала.

Я вспоминал, как мы вместе учились, как ходили гулять вместе, как катались по Эльбе в лодке, когда вдруг дядюшка вскрикнул:

– Аксель! пиши! Я диктую! Ну! Попробуем брать первую букву каждого слова! Ну!

Написали и вышло вот что:

Mmessunka Senr A. icef do K. segnittamurtn ecertserrette, rotaissadua, ednee sedsadne lacartnīlu Isiratrac Sarbmutabiledmek meretarcsi luce Isleffen Sn 1.

Дядюшка поглядел раз, поглядел другой и так неистово хватил кулаком по столу, что чернила разлились и перья разлетелись, как птицы, в разные стороны.

– Бессмыслица! – яростно вскрикнул профессор. – Это не то! Это...

И вдруг стремглав кинулся вон из дому.

IV

– Ушел? – вскрикнула Марта, вбегая в столовую.

– Ушел, – отвечал я.

– А обед то?

– Значит обедать не будет.

– А ужинать?

– Верно не будет и ужинать.

– Да как же это? – проговорила растерявшаяся старушка.

– Дядюшка сказал: «до тех пор не возьму куска в рот, пока не разберу этой книжки», а книжку то эту разобрать невозможно!

– Господи! Что ж это, с голоду придется помирять, что ли!

– Что будете делать с дядюшкой! Ведь вы сами знаете, каков он!

Марта покачала головой, вздохнула и удалилась в кухню.

– Однако куда ж это устремился дядюшка? – подумал я. Скоро ли он вернется? И какой вернется? Торжествующий или беснующийся?

Дядюшка не приходил. Я справил кое-какие свои работы, потом уселся в кресло и закурил трубку. Передо мной на столике лежали продиктованные мне слова. Я машинально взял исписанный листок и стал его рассматривать.

Мало-помалу я увлекся и уже с жаром и волнением старался добиться скрытого смысла.

Но я понапрасну ломал себе голову и мучился несколько часов сряду – ничего не выходило.

Кровь прилила к голове, в глазах у меня запрыгали искры, грудь стеснилась. Я поднялся с кресла и стал обмахиваться исписанным листком, так что листок показывался мне обеими сторонами, и той, где написаны были слова, и другой, оборотной...

Представьте вы себе мое изумление, когда листок вдруг повернулся ко мне оборотной стороной и я прочел совершенно ясно латинские слова «eraterem» и «terrestre»!

Я открыл закон этих шифр! Открыл!

Читать этот документ можно было не только через листок, повернутый буквами к свету, а и так, как он мне продиктован был дядюшкой, следовало только брать каждое слово с конца к началу!

Я разложил листок на столе, жадно пробежал его глазами. Сердце у меня стучало, как молоток...

Я прочел...

Прочел и ужаснулся. Несколько мгновений я стоял, как каменный.

Неужели человек дерзнул совершить подобное путешествие? Неужели кто-нибудь проник?...

– Ну, как дядюшка узнает? – вскрикнул я, несколько опомнившись. Он, чего доброго, тоже пожелает туда отправиться! Нет, нет, я ему ни за что на свете не скажу! Он пожалуй и меня с собой потащит! А как он сам откроет секрет? Уж не бросить ли эти дьявольские бумаги в камин?

Я схватил манускрипт и документ и уже замахнулся, чтобы пустить их прямо в огонь, как вдруг дверь распахнулась и явился дядюшка.

V

Я поскорей сунул злосчастные бумаги на стол.

Профессор Лиденброк казался очень задумчив. Его очевидно совершенно поглощала какая-то мысль. Он, вероятно, и убежал из дому для того, чтобы на свободе получше все сообразить и обдумать.

Он сел в кресло, взял перо и принялся за какие-то алгебраические вычисления. Он работал битых три часа, не поднимая головы. Он не слышал, как вошла Марта, не слышал, как она сказала ему:

– Г. профессор будет ужинать?

Марта постояла, покачала головой и ушла.

Дядюшка вычислял целый вечер. Я все ждал, что вот-вот он кончит, и в этом ожидании уснул, сидя на кушетке.

Проснувшись на другой день, я увидел, что дядюшка все еще сидит за вычислениями. Он был бледен, как платок, глаза у него покраснели, волосы растрепались. Мне стало жаль его. Я уже готов был открыть ему секрет, только меня удерживала мысль, что я этим погублю и его, и себя.

– Нет, нет! – думал я, не надо ему открывать этого! Нет, Боже сохрани! Он непременно захочет тоже туда отправиться. Я ведь его знаю: его ничем не удержать! Нет, я не скажу! Отгадает сам – ну, тогда делать нечего! Тогда, по крайней мере, я не буду себя упрекать, что я подвел его под беду!

Порешив таким образом, я скрестил руки на груди и опять стал ждать, скоро ли закончатся вычисления.

Марта между тем хотела отправиться, по обыкновению, на базар, за провизией, но оказалось, что дверь на улицу заперта и что ключ из замка вынут.

Очевидно, это дядюшка замкнул нас, когда воротился накануне с прогулки.

Что это могло значить? Запер он дверь нечаянно, или с умыслом?

Марта была огорчена почти так же, как и я, но спрашивать ключа мы не осмелились.

Настало время завтрака. Настало и прошло!

Дядюшка все вычислял!

К двум часам голод до того начал меня терзать, что я стал подумывать, не открыть ли дядюшке злополучный секрет. Может быть документ окажется просто мистификацией, которую дядюшка же мне и объяснит.

Я еще колебался, как вдруг вижу, что дядюшка встает, берет шляпу и собирается уходить.

Неужто он опять пас запрет? Нет, уж это чересчур!

– Дядюшка! – сказал я.

Он не слышал.

– Дядюшка Лиденброк! – сказал я громче.

– А? Что такое? – спросил он, словно я его разбудил.

– Да вот... ключ...

– Какой ключ? От двери?

– Да нет! Ключ к документу!

Профессор поглядел на меня и, заметив вероятно по моему виду, что я знаю что-то необыкновенно важное, схватил меня за руку и сжал ее, как в тисках.

– Ну? Ну? – проговорил он наконец, задыхаясь.

– Да, да... ключ... случайно...

– Да говори же! говори же!

– Вот, возьмите... смотрите... читайте...

Я подал ему исписанный листок.

– Это ведь бессмыслица! – вскрикнул он и скомкал листок.

– Читайте не с начала, а с конца... читайте...

Я не окончил фразы. Профессор Лиденброк испустил крик, – не крик, а вернее сказать рев.

– О, великий Сакнуссем! О, великий Сакнуссем! – бормотал он, разглаживая листок дрожащими руками. Надо перечесть хорошенько, надо перечесть поосновательней...

Представляю здесь подлинные слова документа:

In Sneffels Yoculis craterem kem delibat umbra Seartaris Iulii intra calendas descende, audas viator, et terrestre centrum attinges. Kod feci. Arne Saknus– semm.

Перевод этой плохой латыни вот какой:

Сойди в кратер Иокула Снефельса, который тень Скартариса ласкает пред июльскими календами, отважный путешественник, и ты проникнет до центра земли. Я это сделал. Арн Сакнуссем.

Прочитав это «хорошенько», дядюшка так подпрыгнул, как будто нечаянно прикоснулся к лейденской банке.

Он себя не помнил от восхищения. Он кидался во все стороны, как угорелый, он хватал себя обеими руками за голову, перевортывал кресла, швырял стулья, разбрасывал книги, минералы – одним словом, он был вне себя.

Наконец, умаявшись, он упал в кресло.

– Который час? – спросил после нескольких минут молчания.

– Три часа, – отвечал я.

– Вот тебе на! Где ж обед? Я умираю с голоду. Скорей давайте есть! А потом...

– Что потом?

– Потом ты уложишь мой чемодан.

– Что? – вскрикнул я.

– И твой тоже уложишь, – добавил безжалостный профессор, направляясь в столовую.

VI

Меня от этих слов подрал мороз по коже, но я сохранил наружное хладнокровие. Я понял, что только научные доказательства могли остановить дядюшку; доказательства такие были, и я приберег их на после обеда.

Путешествие к центру земли! Да это такая дикая мысль, которую вероятно и дядюшка серьезно не задумает привести в исполнение. Он поговорит, покричит, побеснуется и тем дело и кончится...

Увидав, что стол не накрыт, дядюшка разразился криком и бранью, которые еще усилились, когда он узнал, что даже провизии в доме не имеется.

Наконец он поутих, отдал ключ от двери, и Марта побежала на базар.

Час спустя мы уже были сыты.

Во время обеда дядюшка был очень весел, шутил, смеялся и отпускал разные ученые невинные остроты.

Окончив обед, он сделал мне знак следовать за ним в кабинет.

Я повиновался. Он сел у рабочего стола, а я около него.

– Аксель, – сказал он ласковым голосом, – ты оказал мне большую услугу; услугу, которую я никогда не забуду... Я уже отчаивался, я уже хотел все бросить... Ты умный мальчик, Аксель, ты молодец! Я никогда не забуду этого и поделюсь с тобой славой...

– Теперь ты в хорошем расположении духа, – подумал я, – и теперь самое время подсечь тебе крылья!

– Только, знаешь, первое условие успеха – это тайна. Сохрани тебя Бог проболтаться! У меня ведь немало завистников в ученом мире. Многие, разумеется, очень не прочь бы воспользоваться этим открытием!

– Вы полагаете?

– Разумеется я полагаю! Кто ж, скажи на милость, не захочет славы? Опубликуй только этот драгоценный документ и целый полк геологов устремится по следам Арна Сакнуссема!

– Не думаю, дядюшка. Во-первых, как поручиться за подлинность документа?

– Что тут за ручательства! Мы его нашли в таком манускрипте...

– Хорошо. Положим, Сакнуссем действительно написал эти строки, но из этого еще не следует, что он совершил самое путешествие... Это, очень может статься, просто на просто одна мистификация.

Дядюшка было наморщил брови и я уже ожидал бури, но вдруг он прояснился и, улыбаясь, ответил:

– Увидим, увидим!

– Однако, дядюшка... позвольте мне сделать кое-какие возражения.

– Возражай, мой милый, возражай. Даю тебе полную свободу возражать. Ведь ты теперь уж не племянник мне, а товарищ. Говори, говори!

– Позвольте вас спросить, дядюшка, что это такое Иокул, Снеффельс и Скартарис? Я о них отроду не слыхивал.

– Сейчас тебе объясню. Я как нарочно недавно получил карту от приятеля, – от Августа Петермана из Лейпцига. Вон она там, под литерой Z. Поддай-ка ее сюда!

Я достал с полки означенную карту.

– Смотри! Это лучшая карта Исландии. В ней мы все найдем.

Я наклонился вместе с ним над столом и стал разглядывать.

– Видишь ты вот этот остров? – продолжал дядюшка. – Он весь состоит из вулканов и все эти вулканы окрещены одним именем Иокул – по-исландски значит ледник. Ведь ты знаешь,

что под тою широтою, где лежит Исландия, большая часть извержений прорывается через слои снега. Поэтому и все огнедышащие горы окрещены там одним именем Иокул.

– А что такое Снеффельс?

Я надеялся, что на этот вопрос ответа не получу, но я ошибся.

– А вот, погляди-ка на западный берег Исландии. Видишь ты Рейкиавик? Рейкиавик, это ее столица. Видишь? Ну, и отлично! Подвигайся теперь вот сюда, за эти бесчисленные фиорды, которыми море изрезало берега, – видишь? Стой! Видишь, вот около 65° широты, видишь?

– Вижу что-то в роде полуострова, а на нем гора выдается в море.

– Отлично! Это и есть Снеффельс.

– Снеффельс?

– Он самый, мой друг, он самый. Это гора в 5,000 ф. высоты и считается одной из самых замечательных на острове. Скоро она будет считаться одной из самых замечательнейших на целом земном шаре.

– Почему?

– А если кратер-то ее достигает до центра земли!

– Да ведь это невозможно, дядюшка!

– Невозможно? Отчего ж это невозможно, позволь спросить?

– Не сердитесь, дядюшка, но... но ведь кратер этот завален лавою, раскаленными скалами и...

– А если кратер этот потухший?

– Потухший?

– Да, да, потухший! В настоящее время число действующих на земном шаре вулканов доходит до трехсот, но число потухших несравненно больше. Снеффельс принадлежит к последним. В исторические времена он порадовал ученых только одним извержением, именно в 1219 году. С тех пор деятельность его все слабела и слабела... Он давно уже совершенно погас.

– А что значит слово Скартарис, дядюшка? И зачем тут помянуты июльские календы?

– Тебе это кажется непонятным, темным, да? А ведь на деле-то оно совершенно ясно и только доказывает до какой степени точно Сакнуссем обозначил свое великое открытие... Да, да! На Снеффельсе несколько кратеров, значит надо было поименовать, который ведет к центру земли. О, великий исландский ученый! О, остроумнейший из смертных! Он заметил, что при приближении июльских календ, то есть около последних чисел июля, одна из многочисленных вершин горы бросила свою тень до отверстия кратера, который ведет к центру земли. Это вершина – Скартарис. Признайся, что удачнее, остроумнее этого придумать невозможно. Только бы нам добраться до вершины Снеффельса, а уж оттуда до центра земли как рукой подать!

У дядюшки на все был готов ответ! Я понял, что всякое непонятное слово он не задумается объяснить по-своему.

Я поднялся на хитрости: я прибегаю к научным опровержениям.

– Да, – сказал я, – приходится согласиться, что обозначения Сакнуссема очень ясны и не оставляют ни малейшего сомнения. Я даже не спорю на счет подлинности документа... Этот великий ученый спускался в кратер Снеффельса, видел тень, ласкающую края этого кратера пред июльскими календами... Все это так, но...

– Что «но»?

– Этот кратер...

– Достигает до центра земли, милостивый государь!

– Может быть и достигает, только проникнуть-то до этого центра никто не проник... Сакнуссем наслушался, вероятно, разных местных легенд... Он не мог предпринять подобного

путешествия, нет! А если бы предпринял, так уж не воротился бы и некому бы было писать документ!

– Это почему ж ему бы не воротиться? – насмешливо спросил дядюшка.

– Да все научные теории показывают невозможность подобного путешествия!

– Все научные теории? Скажите, пожалуйста! Все научные теории! Ахти! какая беда!

– Вы насмежаетесь, дядюшка, а ведь первостепенные геологи принимают, что температура земного шара, по мере углубления внутрь, на каждые сто футов увеличивается на один градус. Земной радиус равняется почти что 21,000,000 футам. Допуская пропорциональное увеличение температуры, мы, значит, получим температуру... температуру, превосходящую двести тысяч градусов! При подобной температуре внутренность земного шара, значит, находится в парообразном состоянии, потому что ни один металл, ни золото, ни платина, ни даже самые твердые горно-каменные породы не могут противостоять такому страшному жару! Ну, как же, желал бы я знать, проникнете вы в этот ад?

– Так ты боишься жару, Аксель, а?

– Разумеется боюсь, дядюшка! Если мы проберемся на глубину десяти только лье, так уж и то очутимся в такой температуре, что вода кипит!

– Ты боишься свариться, Аксель, а?

– Я вам предоставляю, дядюшка, решить этот вопрос!

– Я решил. Слушай: ни ты, ни поученее тебя, никто не знает достоверно, что творится во внутренности земного шара. Ведь до сих пор людям удалось проникнуть в глубь земли менее чем на мили под поверхностью моря! Помни, что наука идет вперед и что одна теория заменяется другою! Разве не полагали до Фурье, что температура планетных пространств постепенно уменьшается? А вот теперь дознано, что самые большие холода в области эфира не превосходят 40° или 50° ниже нуля! Почему ж ты не хочешь допустить, что и относительно внутреннего жара земли не может быть промахов? Почему ты не хочешь допустить, что на известной глубине ты достигнешь до предела, дальше которого жар уже не увеличивается? Почему?

Я молчал.

– Ученые, настоящие ученые, – продолжал дядюшка, – и между ними Пуассон, доказывали, что при существовании необычайно высокой температуры внутри земного шара, расплавленная масса приобрела бы такую упругость, что земная кора не выдержала бы и лопнула. Да, лопнула, как лопается паровой котел от давления пара на стенки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.